

Ф.Д. ДЖЕЙМС

P.D.J

Ф.Д. ДЖЕЙМС

Черная башня

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Д40

Серия «Ф.Д. Джеймс — королева английского детектива»

P.D. James

THE BLACK TOWER

Перевод с английского *М. Виноградовой*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Greene and Heaton Ltd. и Andrew Nurnberg.

Джеймс, Филлис Дороти.

Д40 Черная башня : [роман] / Филлис Дороти Джеймс ;
[пер. с англ. М. Виноградовой]. — Москва : Изда-
тельство АСТ, 2017. — 416 с. — (Ф. Д. Джеймс — королева
английского детектива).

ISBN 978-5-17-102043-9

Смерть провинциального священника Брэдли выглядит вполне естественно... но опытный детектив Адам Дэлглиш подозревает, что это — убийство. Однако кому и зачем понадобилось лишать жизни пожилого человека?

Вскоре Дэлглиш приходит к шокирующему выводу: убийство его друга — лишь звено в цепи загадочных смертей, к которым причастен безжалостный убийца...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-102043-9

© P.D. James, 1975

Школа перевода В. Баканова, 2016

© Издание на русском языке

AST Publishers, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. ПРИГОВОРЕН К ЖИЗНИ	7
Глава вторая. СМЕРТЬ СВЯЩЕННИКА	18
Глава третья. НЕЗНАКОМЕЦ – ГОСТЬ НОЧНОЙ	101
Глава четвертая. СМЕРТЕЛЬНЫЙ БЕРЕГ	148
Глава пятая. ПРЕСТУПНЫЙ УМЫСЕЛ	218
Глава шестая. БЕСКРОВНОЕ УБИЙСТВО	257
Глава седьмая. ТУМАН НАД МЫСОМ	308
Глава восьмая. ЧЕРНАЯ БАШНЯ	354

Глава первая

ПРИГОВОРЕН К ЖИЗНИ

I

Это был последний визит великого светила, и Дэлглиш подозревал, что ни один из них — ни врач, ни пациент — об этом не сожалел. Высокомерие и снисходительность с одной стороны и слабость, признательность и зависимость с другой никак не могут, пусть даже и на краткий срок, стать основой взаимоотношений между взрослыми людьми.

Доктор торжественно вступил в крошечную больничную палату: впереди — медсестра, сзади — свита ассистентов и студентов-медиков, а сам он уже одет к модной свадьбе, которую намеревался почтить своим присутствием чуть позже. Врач как две капли воды походил на жениха, только вместо традиционной гвоздики у него в петлице красовалась алая роза. И цветок, и его обладатель буквально лучились искусственным, невероятным, немислимим совершенством — словно завернутые в подарочную фольгу, неподвластные случайным ветрам, морозам и неделikatным пальцам, которые, чего доброго, загубили бы совершенство более незащищенное. В качестве

последнего, завершающего штриха и врач, и цветок в петлице были чуть сбрызнуты одинаковым (и, судя по всему, очень дорогим) лосьоном после бритья. Дэлглиш различал этот сильный и утонченный аромат даже сквозь больничные запахи эфира и вареной капусты, к которым за последние несколько недель настолько привык, что теперь фактически их не замечал. Студенты с ассистентами столпились вокруг койки. Длинноволосые, в коротких белых халатах, они походили на стайку чуть подгулявших подружек невесты.

Умелые и безразличные руки сестры проворно раздели Дэлглиша для очередного обследования. По груди и спине скользнул холодный диск стетоскопа. Нынешний, последний, осмотр был чистейшей формальностью, однако врач, как всегда, провел его с тщательностью — он никогда не позволял себе небрежности. И если в данном случае все же ошибся в первоначальном диагнозе, то это никоим образом не уронило его самооценки. Необходимости извиняться доктор не ощущал — ну разве что чисто формально.

Закончив прослушивание, он выпрямился.

— Мы получили результаты последних анализов и, думаю, теперь можем не сомневаться, что истолковали их правильно. Цитология, конечно, всегда дело темное, да к тому же постановка диагноза осложнилась из-за пневмонии. Но у вас не острая лейкемия, у вас вообще не лейкемия. Болезнь, от которой вы сейчас, к счастью, выздоравливаете, оказалась атипичным мононуклеозом. Поздравляю вас, командер. Заставили вы нас поволноваться.

— Я показался вам интересным пациентом, а вот вы меня как раз заставили поволноваться. Когда меня выпишут?

Великий человек засмеялся и улыбнулся свите, приглашая остальных столь же благодушно, как и он, отнестись к еще одному примеру неблагодарности выздоравливающих. Дэлглиш быстро добавил:

— Полагаю, вам нужны койки.

— Нам всегда требуется больше коек, чем у нас есть. Но не стоит спешить. До полного выздоровления еще очень и очень далеко. Так что посмотрим.

Когда все ушли, Дэлглиш лег на спину, блуждая взглядом по двум кубическим футам палаты, будто видел ее впервые. Раковина для умывания с локтевым краном; аккуратная и очень функциональная тумбочка у кровати, на ней — закупоренный графин с водой; два виниловых кресла для посетителей; наушники в изголовье; на окне занавески с гнусным узором в цветочек — настоящий символ безвкусицы. Вся эта скудная больничная обстановка была последним, что ожидал Дэлглиш лицезреть в жизни. Жалкое, безликое место, только и годное, чтобы здесь умереть. Совсем как номер в гостинице: все здесь предназначено для постоянной смены жильцов. Как бы ни покидали здешние постояльцы эту палату — на своих двоих или под простыней на каталке морга, — после них не оставалось ровным счетом ничего, даже памяти об их страхах, страданиях и надеждах.

Смертный приговор — надо полагать, как все подобные приговоры — был вынесен посредством озачоченных взглядов, явственно-фальшивой сердечности, перешептываний приглашенных консультантов,

обилия анализов и нежелания до последнего, пока Дэлглиш не потребовал прямого ответа, обсуждать диагнозы и прогнозы. Приговор к жизни, изложенный куда менее изощренным способом, когда худшие дни болезни уже миновали, явился для больного чуть ли не оскорблением. Дэлглишу казалось: со стороны врачей крайне неосмотрительно, чтобы не сказать халатно, с такой тщательностью обречь его на смерть, а потом вдруг взять да передумать. Теперь он со стыдом и неловкостью вспоминал, как легко, почти без сожалений, отказался от былых радостей и занятий. Глобальность предстоящей утраты показала их истинный масштаб: в лучшем случае — просто развлечение, в худшем — напрасная трата времени и сил. Теперь приходилось снова браться за них, снова заставлять себя поверить, будто они имеют какой-то смысл и значимость хотя бы для него самого. Дэлглиш сомневался, что сумеет поверить в их значение для других людей. Хотя, конечно, когда вернутся силы, все встанет на места. Только дайте срок, физическая жизнь заявит о своих правах. Он примирится с жизнью — ведь альтернативы-то нет, а нынешний приступ омерзения и безнадежной апатии — которые так удобно списать на банальную слабость — перейдет в убеждение, что ему крупно повезло. Коллеги, избавленные от неловкости, бросят его поздравлять. Теперь, когда смерть подменила собой секс в качестве табуированной темы для разговоров, она обрела и некую собственную стыдливость; умереть раньше, чем ты превратишься в обузу, прежде, чем твои друзья смогут с чистой совестью изречь ритуальное «отмучился», — дурной тон.

Но сейчас Дэлглиш не был уверен, что сможет снова вернуться к работе. Успев свыкнуться с ролью простого зрителя — а в недалекой перспективе и того меньше, — он чувствовал, что не готов выйти на шумную игровую площадку мира. Или если уж придется выходить, то сделать это нужно в наименее шумном местечке. За время, прошедшее после оглашения вердикта, он не успел обдумать эту мысль глубоко и тщательно — да и времени-то прошло совсем мало. Она возникла скорее на уровне ощущений, а не сознательного решения. Настал момент сменить курс. Судебные уставы, трупное окоченение, дознания и допросы, созерцание изувеченной плоти и переломанных костей, все, из чего состоит охота на людей, — с этим он покончил. На свете полно и других занятий. Дэлглиш, правда, еще не знал точно, каких именно, однако не сомневался: что-нибудь да подвернется. Впереди еще две недели отпуска — надо принять решение, обдумать его, оправдать в собственных глазах и, самое трудное, подобрать слова, чтобы обосновать подобный поступок в глазах комиссара. Сейчас неподходящее время, чтобы бросать Скотленд-Ярд; сослуживцы сочтут такой поступок дезертирством. С другой стороны, время никогда не бывает подходящим.

Он и сам не знал, объясняется ли разочарование в работе исключительно перенесенной болезнью, полезным напоминанием о неизбежной смерти или же это симптом недуга более фундаментального, собственного «среднему возрасту», с его периодическими приступами хандры и неуверенности. В такой ситуации вдруг понимаешь, что надежды, отложенные «до лучших времен», уже не осуществляются, что порты, где ты бывал когда-то, никогда не увидишь вновь,

а само твоё путешествие — сплошная ошибка и доверять картам и компасам просто опасно.

Более того, прежняя работа теперь казалась Дэлглишу тривиальной, перестала его удовлетворять. Лежа без сна в унылой, безличной палате, как, должно быть, лежало немало пациентов до него, и следя за светом фар проезжающих мимо машин, вслушиваясь в тайные, приглушенные звуки ночной жизни больницы, Дэлглиш мысленно подводил итоги жизни, и эти итоги не радовали. Скорбь по погибшей жене, в свое время такая искренняя, душераздирающая, превратилась в предлог, чтобы более не вкладывать в любовные отношения душу. Все его романы — в том числе и тот, который сейчас периодически отнимал малую толику его времени и чуть большую толику энергии, — были цивилизованными, малоэмоциональными, взаимовыгодными и необременительными. В этих романах по умолчанию подразумевалось, что если располагать своим временем Дэлглиш не совсем может, то уж сердце-то его свободно целиком и полностью. Подруги его все как одна являлись женщинами эмансипированными. У каждой были интересная работа и уютная квартира, каждая руководствовалась принципом «Довольствуйся тем, что можешь получить». И уж конечно, все они были освобождены от тех запутанных, затягивающих, разрушительных эмоций, что отягощали жизнь прочих женщин.

Порой Дэлглиш задумывался: а имеют ли, собственно, эти тщательно продуманные романы, участники которых, точно пара ластящихся кошек, стремились исключительно к удовольствию, хоть какое-то отношение к настоящей любви — с неубранными постелями и невытой посудой, пеленками, тесной

и теплой клаустрофобией семейной жизни и взаимными обязательствами? Перенесенная утрата, работа, стихи — все это он пускал в ход, чтобы оправдать свою самодостаточность. А еще его женщины покорно уступали Дэлглиша стихам — даже легче, чем покойной жене. Они ни в грош не ставили сантименты, зато питали непомерное почтение к искусству. А что было хуже — или, возможно, лучше, — так это то, что он ничего не мог изменить, даже если бы и захотел. И что все это уже не имело ровным счетом никакого значения. Ни малейшего. За последние пятнадцать лет он ни разу никого не обидел, никого не заставил страдать — во всяком случае, намеренно. И только сейчас в голову ему пришло, что ничего более убийственного представить невозможно.

Что ж, если всего этого изменить нельзя, то работу поменять — запросто. Хотя прежде всего предстояло выполнить одно личное обязательство — то самое, от которого он, как ни извращенно это звучит, рад был бы увильнуть под предлогом смерти. Теперь убежать не удастся.

Приподнявшись на локте, Дэлглиш дотянулся до тумбочки, вытащил оттуда письмо отца Бэддли и первый раз прочел его по-настоящему внимательно и вдумчиво. Старику, верно, под восемьдесят — он давно немолод. Тридцать лет минуло с тех пор, как он приехал в норфолкскую деревушку младшим священником к отцу Дэлглиша — робкий, бестолковый, вмешивающийся во все на свете, кроме самого важного, упрямый и абсолютно бескомпромиссный. Это письмо было третьим из тех, что Дэлглиш получил от Бэддли за тридцать лет. Датированное одиннадцатым сентября, оно гласило:

Дорогой Адам!

Понимаю, что ты, как всегда, очень занят, но мне бы очень хотелось, чтобы ты выкроил время и навестил меня, потому что я очень нуждаюсь в твоём профессиональном совете по одному вопросу. Дело не очень срочное, только вот сердце у меня что-то начинает изнашиваться быстрее всего прочего, так что уверенно думать о завтрашнем дне я не могу. Бываю здесь каждый день, но, наверное, выходные тебе подойдут больше. Должен тебя предупредить, что я теперь служу священником в Тойнтон-Грэйндж, частном приюте для молодых инвалидов, а живу, милостью директора, Уилфреда Энсти, в коттедже «Надежда», расположенном на территории лечебницы. Днём и вечером я обычно питаюсь в Грэйндж, но тебе, наверное, это будет неудобно, да и времени нам на общение тогда останется меньше, поэтому я воспользуюсь следующей же поездкой в Уорхэм, чтобы закупить провизию. У меня тут есть небольшая свободная комнатка, куда я смогу переехать, чтобы освободить для тебя спальню.

Не мог бы ты послать открытку, чтобы дать мне знать, когда приедешь? Машины у меня нет, но контора Уильяма Дикина по найму автомобилей и вызову такси расположена в пяти минутах ходьбы от станции (спроси на станции, тебе покажут, куда идти) и весьма недорого и надёжна. Автобусы от Уорхэма ходят редко, да и то лишь до деревни Тойнтон, а оттуда шагать ещё полторы мили — очень приятная прогулка в хорошую погоду, но после такого долгого путешествия тебе, верно, не захочется идти пешком. На случай если ты все же решишь прогуляться, я нарисую карту на обороте письма.

Карта сбила бы с толку любого, кто привык ориентироваться по классическим публикациям в атласах, а не по картам начала семнадцатого века. Волнистые линии, судя по всему, символизировали море. Не хватало разве что кита с фонтанчиком над спиной. Автобусная остановка в Тойнтоне была обозначена достаточно четко, но далее дрожащая линия неуверенно петляла по пестрому разнообразию полей, ворот, пабов и зарослей треугольных зубчатых елочек. Время от времени, когда отец Бэддли понимал, что, образно выражаясь, сбился с пути, линия возвращалась вспять. Крохотный фаллический символ на побережье, выделенный в качестве ориентира, хотя вообще-то нужная тропинка туда и близко не подходила, был подписан как «черная башня».

Карта растрогала Дэлглиша почти так же, как трогает снисходительного отца первый рисунок ненаглядного дитяти. И до каких же глубин слабости и апатии должен был он докатиться, чтобы не внять этому жалостному зову! Порывшись в ящичке, Дэлглиш отыскал открытку и коротко написал, что прибудет на машине около полудня в понедельник, первого октября. Так у него будет еще уйма времени на то, чтобы выбраться из госпиталя и посидеть у себя на квартире, в Куините, первые несколько дней после выписки. Дэлглиш подписал открытку одними инициалами, наклеил марки и прислонил к графину с водой, чтобы не забыть попросить кого-нибудь из медсестер отправить ее с утра первым классом.

Осталось у него и еще одно небольшое обязательство, исполнить которое было потруднее. Правда, с этим, решил Дэлглиш, можно и подождать. Надо повидаться с Корделией Грэй — или хотя бы позво-